

DOI: [10.14515/monitoring.2026.4.3004](https://doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3004)

А. Л. Янак

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СЕМЬЕ И УСТАНОВКАХ НИЖЕГОРОДСКИХ СТУДЕНТОВ

Правильная ссылка на статью:

Янак А. Л. Традиционное и современное в представлениях о семье и установках нижегородских студентов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2026. № 4. С. 231—251. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3004>.

For citation:

Yanak A. L. (2026) Traditional and Modern in Family Perceptions and Attitudes of Nizhny Novgorod Students. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 231–251. <https://www.doi.org/10.14515/monitoring.2026.4.3004>. (In Russ.)

Получено: 26.04.2025. Принято к публикации: 07.05.2026.

ТРАДИЦИОННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ О СЕМЬЕ И УСТАНОВКАХ НИЖЕГОРОДСКИХ СТУДЕНТОВ

ЯНАК Алина Леонидовна — кандидат социальных наук, старший научный сотрудник, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

E-MAIL: alinayanak91@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6823-7125>

Аннотация. Цель исследования — описать спектр брачно-репродуктивных установок студенческой молодежи и сопоставить их с ключевыми тенденциями второго демографического перехода. Автор статьи анализирует представления студентов о традиционных и современных практиках супружества и родительства, опираясь на данные онлайн-опроса студентов бакалавриата и магистратуры семи нижегородских вузов, проведенного в 2020—2021 гг. ($N=1113$; 71 % девушек и 29 % юношей). Установлено, что студенчество в целом лояльно относится к таким брачно-семейным и интимным практикам, как сожительство, повторный союз, замещающее родительство, контрацепция, тогда как супружеская измена оценивается как недопустимая. Представления об организации семейной жизни прагматизируются: фиксируются ориентация на минимизацию рисков и целерациональное планирование, откладывание брака и деторождения к 25—29 годам, установка на одного или двух детей при развернутой структуре условий для их рождения. Усиливается запрос на эгалитаризацию супружеских и родительских ролей, при этом сохраняются устойчивые гендерные различия: девушки чаще ориентированы на современную модель семьи, а также юридиче-

TRADITIONAL AND MODERN IN FAMILY PERCEPTIONS AND ATTITUDES OF NIZHNY NOVGOROD STUDENTS

Alina L. YANAK¹ — Cand. Sci. (Soc.), Senior Researcher, Associate Professor of the Department of General Sociology and Social Work, Faculty of Social Sciences

E-MAIL: alinayanak91@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-6823-7125>

¹ Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (National Research University), Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The study aims at describing the range of marital and reproductive attitudes among university students and at relating them to the key trends of the second demographic transition. The author of the article analyses perceptions of traditional and modern practices of marriage and parenthood based on data coming from an online survey of undergraduate and graduate students at Nizhny Novgorod universities conducted in 2020—2021 ($N=1113$; 71 % females and 29 % males). The findings show that students are generally tolerant of modern marital, family and intimate practices — cohabitation, repeated unions, substitute parenthood, and contraception — whereas marital infidelity is deemed unacceptable. Views on organising family life are becoming more pragmatic: students show a focus on risk minimisation and goal-rational planning, postponement of marriage and childbearing to the age of 25—29, and an orientation toward having one or two children subject to an elaborated set of prerequisites for their birth. Support for egalitarian spousal and parental roles is growing, yet stable gender differences persist. Thus, women more often favour a modern family model and the legal and material security of marriage, while men retain certain patriarchal elements. The state is perceived mainly as a secondary source of fam-

скую и имущественную защищенность брака, юноши — на отдельные патриархальные элементы. Государство воспринимается скорее как вторичный источник поддержки семьи при выраженном запросе на развитие инфраструктуры заботы о детях. Сочетание современных ориентаций с сохранением детных (чаще двухдетных) установок и элементов патриархальной модели позволяет говорить о гибридном, переходном характере установок молодежи, так как обнаруживаются точки сближения индивидуальных стратегий и нормативных предписаний.

Ключевые слова: традиционная семья, современная семья, брачно-семейные установки, семейно-демографическое поведение, студенческая молодежь, индивидуальные стратегии

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда № 24-78-00190 (<https://rscf.ru/project/24-78-00190/>).

ily support, alongside a pronounced demand for developing childcare infrastructure. The combination of modern orientations with the persistence of child-centred (most often two-child) attitudes and elements of the patriarchal model points to the hybrid, transitional character of young people's attitudes, in which individual strategies and normative prescriptions converge.

Keywords: traditional family, modern family, marriage and family attitudes, family and demographic behavior, student youth, individual strategies

Acknowledgments. The study was supported by a grant of Russian Science Foundation (RSF) № 24-78-00190 (<https://rscf.ru/project/24-78-00190/>).

Введение

Исследования функционирования и трансформации семьи нередко выстраиваются в континууме противопоставления традиционной и современной моделей семьи. Как пишет Э. Гидденс, «семья — это поле боя между традициями и современностью...» [Гидденс, 2004: 69].

Традиционную семью описывают через набор устойчивых признаков: пожизненный официальный гетеросексуальный брак, биологические дети, общее домохозяйство, экономическое и моральное главенство мужчины, прочные межпоколенные связи и гендерное разделение обязанностей, закрепленных преимущественно за женщиной [Кучмаева, 2019; Новоселова, 2014; Самыгин, Верещагина, Загирова, 2016]. Близкие по смыслу обозначения — «нормативная» и «основная» семья [Елисеева, 2020] (по выполняемым для личности и общества функциям), «патриархальная» [Карлсон, 2003] (по асимметрии ролей мужчины и женщины) и «моногамная» [Голод, 2003] (по брачной и детной структуре).

У Э. Гидденса традиционная семья — категория «несовременной» культуры: с сильной семейной экономикой, в которую вовлечены все члены семьи, неравенством мужей и жен, отцов и матерей, правовой незащищенностью детей и слитностью брака, сексуальности и деторождения. В западных исследованиях в целом традиционной чаще называют семью переходного периода 1950-х годов, когда

«стандартной» считалась модель, в которой «оба родителя живут вместе с детьми, рожденными в браке, мать является домохозяйкой, а отец — кормильцем» [Гидденс, 2004: 69—73].

В типологии С. И. Голода традиционной семье соответствует «патриархальная» форма, современной — «детоцентристская», постсовременной — «супружеская». Эти формы не сменяют друг друга последовательно, а «неконфликтно функционируют параллельно в одном историческом времени, образуя широкий спектр моделей» [Голод, 2003: 117]. «Супружеский» тип отличают планирование рождений, ориентация на малодетность, относительная автономия брака, родительства и сексуальности, а также вариативность семейной жизни [там же].

Отмечая модернизацию и плюрализацию семьи, исследователи фиксируют распространение альтернативных, инновационных и немодальных форм. Последнее А. А. Клецин сближает с внебрачными и нетипичными практиками, «неофициальными и неактуальными семьями» [Гурко, 2008: 185]. К новым (нетрадиционным) формам относят монородительские, послеразводные, вдовы, фактические, повторнобрачные семьи, семьи с неродными родителями, би- и полигамные с раздельным проживанием супругов, открытые браки и одиночные домохозяйства [Клецин, 1994; Голод, 2003: 117]. В этой же категории рассматривается немодальное родительство, например материнство и отцовство, выходящие за рамки традиционного (кровного и прямого родства, полной родительской структуры, юридически подтвержденного родительства), демографической нормы и социально одобряемых образцов поведения [Янак, 2022а].

Ф. Фюрстенберг с коллегами делит родственные отношения в альтернативных семьях на три группы. Первая — вариации официального брака или его отсутствия: последовательные браки, многоженство, незарегистрированные союзы, семьи одиноких родителей, а также легитимированные в ряде западных стран однополюсные партнерства. Вторая — альтернативы естественному зачатию и рождению ребенка (вспомогательные репродуктивные технологии, далее — ВРТ; усыновление). Третья — связи, считающиеся родственными без биологических или юридических оснований: неформальное усыновление в повторных отношениях, «желаемое» родство (например, с крестными родителями) либо, напротив, вынужденное (с соседями по комнате в общежитии) [Furstenberg et al., 2020]. К нетипичным относят и расширенные домохозяйства, куда входят постоянно или периодически присутствующие родственники нуклеарной ячейки — прародители, тети и дяди, бывшие супруги, новые партнеры родителей, сводные сиблинги [Kavanagh, 2004].

Современная семья описывается через актуальные тенденции. В сфере брака это модернизация семьеобразующего поведения (нуклеаризация, откладывание супружества и родительства, популярность пробных, временных, многоступенчатых браков/партнерств, добровольное и/или вынужденное раздельное проживание супругов [Levin, 2004], распространенность разводов, внебрачных рождений) и эгалитаризация ролей [Артамонова, 2018; Гурко, Тарченко, 2019; Егорова, 2016]. В сфере родительства — изменение социальных норм и ценностей детности (малодетность, дети как инвестиционный проект [Багирова, 2022; Синельников, 2019; Антонов и др., 2020]), трансформация родительских прак-

тик (от распространения моделей ответственного родительства до радикализации его девиантных типов [Янак, 2022a]).

Указанные тенденции дискутируются в рамках теории второго демографического перехода [Lesthaeghe, 1991; van de Kaa, 2001; Вишневский, 2014]. Р. Лестеге уточняет: если при первом переходе возрастающее значение индивидуальной автономии проявлялось кулуарно («акт несогласия происходит кулуарно»), то при втором стремление к независимости в частной жизни становится публичным и массовым, противопоставляется институциональному вмешательству и охватывает различные сферы — от межличностных отношений, сексуальности и брачности до рождения и воспитания детей, организации домохозяйства [Lesthaeghe, 1991].

В исследовательском дискурсе обсуждаются социально-экономические, социально-политические, социокультурные предпосылки этих тенденций во взаимосвязи [Иванов, 2017: 8—9]. Ученые показывают, что вступление в брак, рождение детей и сохранение семьи могли быть принесены в жертву стремлению к стабилизации и/или улучшению личного материального благосостояния, что стало возможно благодаря усилению рыночных ориентаций, повышению стандартов качества жизни, консьюмеризму, развитию конкуренции мужчин и женщин на рынке образования и труда, увеличению продолжительности обучения молодых людей, росту экономической независимости матерей. Для одних женщин такая автономия предопределяет снижение «полезности» брака и брачной мотивации, для других означает «отсрочку» замужества и деторождения до закрепления стартовых профессиональных позиций и проблему совмещения трудовой и родительской занятости [Lesthaeghe, 1991; Easterlin, Crimmins, 1991: 524; McDonald et al., 2011]. Подчеркивается, что секуляризация также сыграла важную роль в изменении семейно-демографического поведения (разделении сексуальности, брака и прокреации [Голод, 2008]), способствовала «выбору в пользу до- и внебрачного секса и нетипичных моделей формирования домохозяйств» [Lesthaeghe, 2010: 228], саморегуляции матримониальности и фертильности при помощи контрацепции и соответственно, распространению внебрачной рождаемости, сожителств, разводов [Вишневский, 2014: 16—17].

Все больше альтернатив браку и родительству становятся социально приемлемыми. Данные процессы обозначаются как три взаимосвязанные революции: контрацептивная, сексуальная и гендерная [Lesthaeghe, 2010: 216]. Они сопряжены с технологическим прогрессом — среди факторов продолжения курса на саморегулирование фертильности и откладывание рождаемости выделяется становление BPT [McDonald et al., 2011].

По мере экономического роста забота об удовлетворении базовых потребностей сменяется ориентирами более высокого порядка — на ценности самовыражения, самореализации и самоактуализации [Lesthaeghe, 2010: 213—214]. В сфере межличностных отношений это проявляется в повышении требований к их качеству, что тоже можно отнести к факторам распространения «пробных» партнерских союзов и частого распада отношений (проявление главенства выбора спутника жизни [van de Kaa, 2001: 294; Cherlin, 2004]), малодетных семей ввиду изменения мотивации родительства и ценности детей — от детей как объекта «огромных сентиментальных и финансовых инвестиций» к родительству как одной из сфер

самореализации взрослых [Lesthaeghe, 1991: 9]. Речь идет о «сдвиге от ценностно-рациональной к целерациональной мотивации семейно-демографического поведения» [Вишневский, 2014: 14; Зверева, 2015].

Определенный вклад в распространение консенсуальных союзов и неполных, в частности материнских, семей, внебрачных рождений и малодетности вследствие контроля фертильности сделала правовая либерализация социальной и семейной политик государств: упрощение процедуры развода, декриминализация аборт, экономическая поддержка матерей-одиночек [Lesthaeghe, 1991: 16; van de Каа, 2001: 302; Здравомыслова, Темкина, 2003].

Исследователи также обращают внимание на тенденцию «непринятия рисков» и формирования стратегий управления ими в качестве объяснения откладывания брака и деторождения, а также на популярность сожительства, распространение «безотцовщины» и отказ мужчин от родительских обязательств после развода, снижение числа регистрируемых повторных браков [Егорова, 2016; Исупова, 2015; Чернова, Шпаковская, 2010].

В контексте реализации семейных стратегий среди молодежи особенно ярко проявляются противоречия между индивидуальными и институциональными установками. С одной стороны, социальная позиция молодых взрослых обуславливает «большую степень свободы и возможностей жизненного выбора по сравнению с зависимым положением детей и подростков или высокой степенью ответственности за других, характерной для представителей старшего возраста» [Чернова, Шпаковская, 2010: 21]. Индивидуалистические ценностные ориентации молодых людей несколько отдалают их от традиционных взглядов на семейный уклад, поэтому молодежи свойственны разнообразие мнений по отношению к актуальным тенденциям и толерантность к современным (альтернативным) формам семейной жизни [Карлсон, 2003]. С другой стороны, молодые взрослые являются одним из приоритетных объектов семейно-демографической политики, поскольку с ними связаны ожидания государства по позитивному изменению динамики брачности и рождаемости [Вишневский, Дидковская, Зырянова, 2024].

В отечественном научном дискурсе проблематизируются репродуктивные установки молодежи в контексте влияния на них социально-экономических, прежде всего финансового и жилищного, и социокультурных факторов, а также ориентации на откладывание деторождения и малодетность [Бессчетнова, 2025; Вяльшина, Ножкина, Шалаева, 2025; Чернова, Шпаковская, 2010]. Изучаются и матримонимальные стратегии, в том числе отношение к современным брачным практикам и сожительству [Гурко, Тарченко, 2019; Поленова и др., 2023; Ростовская, Кучмаева, Золотарева, 2023].

Исследователи фиксируют точечные ценностные изменения в демографическом поведении и ожиданиях молодежи в брачно-семейной сфере: с одной стороны, в пользу партнерства, интимности и эгалитаризма, с другой — в пользу прагматизма (утилитарности, избегания рисков, ориентации на удовлетворение внутриличностных и внутрисемейных потребностей) [Зубок, Чупров, 2020; Наберушкина, Бессчетнова, Судоргин, 2024; Чернова, Шпаковская, 2020].

Противоречивое положение российской молодежи в области реализации семейных сценариев стало одним из сквозных сюжетов современных исследова-

ний студенчества и молодых семей. Однако отношение студентов к современным практикам супружества и родительства, рассмотренное через призму второго демографического перехода, остается перспективным и недостаточно проработанным фокусом. Исходя из этого, цель настоящей работы — описать спектр брачно-репродуктивных установок студенческой молодежи (на примере нижегородских вузов) и соотнести их с ключевыми тенденциями второго демографического перехода. Одной из исследовательских задач было выявление вариативности взглядов нижегородских студентов на семью и родительство в зависимости от социально-демографических характеристик респондентов. Большинство имеющихся исследований по теме имеют разные организационные, методологические и региональные акценты, что делает их самобытными, но затрудняет сравнение результатов [Гурко, Тарченко, 2019; Ростовская, Кучмаева, Золотарева, 2023]. Несмотря на аналогичные ограничения, данная работа вносит вклад в формирование эмпирической базы для будущих сравнительных и мониторинговых проектов.

Эмпирическая база исследования

В 2020—2021 гг. при участии автора в разработке анкеты, сборе и анализе данных было проведено исследование «Представления студентов о семье и семейных отношениях» среди учащихся бакалавриата и магистратуры разных специальностей и форм обучения семи нижегородских вузов ($N = 1113$, 71 % девушек и 29 % юношей). В качестве метода исследования был выбран анкетный онлайн-опрос. Анкета включала несколько тематических блоков, операционализированных в соответствии с задачами исследования: обязательные и желательные признаки семьи (разграничение традиционной и современной моделей семьи); отношение к альтернативным (современным) брачным, интимным и родительским практикам (выяснение их допустимости); мотивы создания семьи (в том числе, причины выбора сожителства или отказа от регистрации брака); репродуктивные установки (желаемое число детей, оптимальный возраст и условия для рождения детей); представления о должном распределении обязанностей мужчин и женщин в семье (эгалитарная или патриархальная ориентации). Распространение анкеты осуществлялось по принципу «снежного кома» с использованием Google Forms. В широком смысле целью анкетирования было выявление представлений студенческой молодежи о различных семейных (брачных и родительских) практиках и каналах их формирования, критериях создания и функционирования семьи. Данные обработаны при помощи пакета IBM SPSS Statistics. Различия анализировались по полу, религиозной идентификации и субъективной оценке материального положения респондентов. Сравнение долей ответов респондентов по различным утверждениям проводилось с использованием хи-квадрат Пирсона для таблиц сопряженности. В тексте приводятся значения хи-квадрат, степени свободы (df) и p -уровни. Уровни значимости маркированы: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$; *** $p \leq 0,001$.

Результаты исследования

Студенчество лояльно относится к разным явлениям в брачно-семейных, интимных отношениях, многие из них считая допустимыми, кроме адюльтера — он недопустим для более чем 90 % опрошенных (см. табл. 1). Наиболее «привыч-

ным» оказалось использование контрацепции. Вероятно, она рассматривается как инструмент контроля фертильности, а значит, часть стратегии регуляции брачно-репродуктивного поведения. Однако данное предположение требует отдельной верификации.

Допустимость добрачных сексуальных связей показывает, что молодежь считает нормой разрыв во времени между сексуальным дебютом и вступлением в брак (а шире — автономию сексуальности от брака) и пробные интимные отношения, включая сожительство. Современная интерпретация сексуальности проявляется в несогласии большинства (68 %) с утверждением, что «первым сексуальным партнером женщины должен быть муж». Лояльность к сожительствам молодые люди подтверждают на практике: 11 % опрошенных состоят в неофициальном союзе; 31 % находятся в отношениях, но не проживают с партнером, из них 60 % рассматривают возможность съехаться в течение года и 16 % намерены зарегистрировать отношения (среди пар, проживающих вместе, таковых 47 %).

Оценки разводов, абортов и материнского монородительства менее однозначны. Многие молодые люди (54 %) пока не имеют опыта серьезных отношений и потому не включают эти явления в структуру своего потенциального выбора, но и не отвергают их. При этом допустимость сама по себе не означает приверженности — и наоборот. Проверить это можно только при помощи лонгитюдных и сравнительных исследований.

Таблица 1. **Отношение к различным семейным явлениям, %**

	Недопустимо	И да, и нет, затрудняюсь ответить	Допустимо
Добрачные сексуальные связи мужчин	9	11	80
Добрачные сексуальные связи женщин	12	14	75
Супружеские измены мужчин	94	4	2
Супружеские измены женщин	96	3	2
Сожительство без детей	8	14	78
Сожительство при наличии детей	18	15	67
Разводы	28	25	48
Использование средств контрацепции	6	8	86
Аборты	35	19	46
Применение репродуктивных технологий	13	17	70
Усыновление, приемное родительство	6	12	82
Рождение ребенка одинокой женщиной	24	23	53
Повторные браки	10	14	76

Студенты считают **обязательными** составляющими семьи уважение (80 %), любовь (78 %), ответственность (77 %), совместный быт (49 %), общность интересов (48 %). Среди **желательных** компонентов фигурируют общий бюджет (45 %) и имущество (43 %), полное родительское ядро (39 %), дети (39 %) и сексуальные отношения (37 %), хотя мы предполагали, что этот компонент будет среди **обязательных**. **Необязательное** условие — венчание (62 %) [Янак, 2022б].

Фиксируется связь некоторых показателей с полом респондентов. Если юноши демонстрируют более традиционный взгляд на *детную структуру семьи*, считая наличие детей (44 % против 37 %, $\chi^2 = 10,7$, $df = 2$, $p = 0,005^{**}$) желательным и обязательным чаще, чем девушки, то последние придерживаются более консервативного подхода к организации семейной жизни, чаще подчеркивая необходимость регистрации брака (36 % против 30 %, $\chi^2 = 6,9$, $df = 2$, $p = 0,031^{*}$; хотя 57 % респондентов не видят его «пожизненным»), желательность общего бюджета (48 % против 38 %, $\chi^2 = 10,3$, $df = 2$, $p = 0,006^{**}$) и имущества (47 % против 35 %, $\chi^2 = 12,0$, $df = 2$, $p = 0,002^{**}$). Данную позицию студентки «отстаивают» при ответе на альтернативный вопрос — 39 % (в отличие от 29 % юношей, $\chi^2 = 24,8$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$) признают «моментом создания семьи» заключение брака, что может квалифицироваться как потребность девушек в юридической и материальной защищённости в отношениях с партнёром, т. е. управлении рисками в семейном проектировании, индикатор традиционного взгляда на роль брака в жизни женщины и ее положение в семье. Зато позицию молодых женщин относительно родительства, на первый взгляд, можно расценивать как эмансипированную, однако ответы на другие вопросы заставляет характеризовать ее скорее как прагматичную, зависящую от тех или иных условий и сценариев.

Более тесно составляющие семьи коррелируют с религиозной идентичностью: верующие существенно чаще считают обязательными регистрацию брака (49 % против 20 %, $\chi^2 = 41,9$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), наличие детей (32 % против 8 %, $\chi^2 = 40,6$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), обоих родителей (41 % против 22 %, $\chi^2 = 18,8$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), желательным — венчание (25 % против 8 %, $\chi^2 = 25,9$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$). Они демонстрируют более традиционные представления о наполнении семьи и регламентации семейного взаимодействия, что релевантно установленной в рамках исследования Т. А. Гурко связи между религиозностью студентов и их «консервативными» взглядами на семейные роли и отношения [Гурко, 2019].

В представлениях студентов предпосылки для создания семьи группируются в «гегемонию чувств» [Гидденс, 2004; Roussel, 1989] и экономические условия (см. табл. 2). Это согласуется с результатами других авторов [Поленова и др., 2023] — с оговоркой, что, в отличие от нашего исследования, в выводах белгородских коллег одну из ключевых ролей в брачной мотивации играют наставления родителей.

Таблица 2. *Условия для создания семьи, %*

Условия для создания семьи	%
Наличие сильного чувства	85
Стабильный доход хотя бы у одного из партнеров	51
Наличие собственного жилья	49
Стабильный доход у обоих партнеров	37
Наличие работы хотя бы у одного из партнеров	28
Наличие работы у обоих партнеров	24
Получение законченного профессионального образования обоими партнерами	14
Получение законченного профессионального образования одним из партнеров	11
Беременность	11
Одобрение родителей/окружения	8

Среди прочих условий в нашем исследовании выделяются стаж партнерских отношений как показатель их стабильности и оформление брачного контракта (47 % полагают, что он нужен всем парам, еще 35 % — только обеспеченным людям). По мнению 46 % опрошенных, 1—3 года достаточно, чтобы узнать партнера и принять решение о создании с ним семьи. 82 % подчеркивают необходимость сожительства для бытовой «притирки» и уверенности в своем выборе.

Условия для создания семьи коррелируют с полом респондентов (лишь отметим, что девушки чаще выбирали вариант «стабильный доход у обоих партнеров», чем парни — 40 % против 28 %, $\chi^2 = 13,9$, $df = 1$, $p = 0,000***$, «наличие работы у обоих партнеров» — 26,9 % против 17,9 %, $\chi^2 = 10,0$, $df = 1$, $p = 0,002**$), а также связаны с оценкой материального положения: для идентифицирующих себя как «богатые» чаще имеет значение одобрение родителей ($\chi^2 = 10,2$, $df = 3$, $p = 0,017*$). Наблюдается стремление к преемственности текущего образовательного и материального статуса как компонента жизненного и семейного проектирования.

Причины отказа от регистрации брака, выбор в пользу сожительства как его замены, затянувшегося предбрака, связываются с нежеланием брать на себя ответственность (56 %) и терять свободу (51 %), «необязательностью штампа в паспорте» (49 %), финансовой несостоятельностью (43 %), характеристикой актуальных отношений как «несерьезных», временных (40 %), сомнениями в готовности к браку (40 %), вынужденной «ассимиляцией» с партнером, не желающим связывать себя узами брака (37 %), негативным опытом в предыдущем союзе (36 %). Избегание брака и выбор в пользу альтернатив может быть копинг-стратегией в реальных или потенциальных ситуациях стресса, неопределенности, нежелания принимать решения [Егорова, 2016; Исупова, 2015].

Взгляды студентов на ролевые позиции мужчины и женщины в семье тоже укладываются в современные тенденции эгалитаризации супружеских и родительских ролей, признания равноценности материнства и отцовства [Гурко, 2019]. Для половины опрошенных (55 %) далек тезис «создание семьи важнее для женщины, чем для мужчины», и наоборот, абсолютное большинство (96 %) считают, что «над отношениями в семье должны работать оба партнера». Почти половина респондентов (45 %) не согласны, что «для семьи хорошо, если главный в ней — мужчина», 72 % выступают за одинаковую ответственность за материальное благополучие семьи, 86 % — за участие мужчин в работе по дому (для 80 % нормально, если мужчина берет на себя большую часть домашних обязанностей).

Признается важность отцовской вовлеченности, с одной стороны, и вклада матери в семейный бюджет — с другой. Студенты согласны с суждениями: «ответственность матери за материальное благополучие семьи должна быть такой же, как у отца» (63 %) и «ничего страшного, если в семье женщина зарабатывает больше мужчины» (74 %). При этом молодежи импонирует мысль о том, что «мужчина должен активно включаться в воспитание ребенка, уход за ним» (93 %), и наоборот, 74 % опрошенных отвергают традиционные представления о материнской «монополии» на заботу о ребенке. Можно говорить о конвергенции традиционно материнской («поставщик заботы») и отцовской («кормилец») ролей.

Выявлены статистически значимые, хотя и слабые, гендерные различия: девушки последовательнее отходят от патриархальной модели, а юноши сопротив-

ляются симметрии обязанностей — и в быту, и в деньгах. Так, девушки реже придерживают многодетность ($\chi^2 = 29,3$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), чаще допускают, что ребенка можно вырастить счастливым и без отца ($\chi^2 = 41,3$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), и реже согласны с главенством мужчины в семье ($\chi^2 = 64,5$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$). Юноши, напротив, более скептически к идее неразрывности брака ($\chi^2 = 11,6$, $df = 4$, $p < 0,020^*$) и к симметричному вкладу мужчины в домашний труд ($\chi^2 = 27,3$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), а женщины — в экономику семьи ($\chi^2 = 19,8$, $df = 4$, $p = 0,001^{***}$).

Приверженность студентов эгалитарной модели семьи прослеживается и в их взглядах на распределение семейных обязанностей (см. табл. 3).

Таблица 3. Мнение о должном распределении семейных обязанностей, %

	Только женщина	В основном женщина	Примерно поровну	В основном мужчина	Только мужчина	Затрудняюсь ответить
Приготовление пищи	3	20	74	1	0	2
Стирка, глажка	7	40	51	1	0	1
Уборка квартиры, дома	4	16	77	2	0	1
Покупки	1	5	80	10	2	1
Ремонт дома, квартиры, авто	1	1	26	44	25	3
Управление бюджетом	1	4	69	18	5	3
Оплата коммунальных платежей	1	7	69	14	6	2
Организация семейного досуга	1	7	84	6	1	1
Присмотр и уход за ребенком	3	27	67	2	0	1
Подготовка и проверка уроков	2	12	81	3	1	2
Проведение досуга с детьми (игры, прогулки)	1	4	90	3	1	1

Ответы на данный вопрос фиксируют редукцию гендерной сегрегации домашнего труда, по крайней мере на уровне представлений. Молодые нижегородцы считают справедливым равное участие супругов в хозяйственно-бытовых задачах, управлении бюджетом и основных родительских функциях. Исключение составляют ремонтные работы, которые вменяются мужчинам (69%), а также стирка и глажка, которые многие относят преимущественно к ведению женщин (47%). Однако внимания заслуживают различия в оценках юношей и девушек в: распределении финансовых средств ($\chi^2 = 50,3$, $df = 5$, $p \leq 0,001^{***}$), приготовление пищи ($\chi^2 = 43,1$, $df = 5$, $p \leq 0,001^{***}$), покупки ($\chi^2 = 42,0$, $df = 5$, $p \leq 0,001^{***}$), организацию досуга ($\chi^2 = 36,8$, $df = 5$, $p \leq 0,001^{***}$), уборку ($\chi^2 = 29,5$, $df = 5$, $p \leq 0,001^{***}$), осуществление обязательных платежей ($\chi^2 = 26,4$, $df = 5$, $p \leq 0,001^{***}$), помощь детям с уроками ($\chi^2 = 22,7$, $df = 5$, $p \leq 0,001^{***}$) студентки чаще, чем юноши, «готовы» делегировать мужчинам. Нулевая гипотеза базировалась на том, что ориентация на супружескую ролевую симметрию укладывается в современное видение се-

мейного уклада, а разделение «зон ответственности» на «женские» и «мужские» — в традиционное. В соответствии с нашими ожиданиями и результатами проведенных ранее смежных исследований [Гурко, 2019; Егорова, Янак, Рябинская, 2020], девушки больше стремятся к современной модели организации семейной жизни, а молодые люди — к сохранению патриархальных элементов, закрепляющих экономическое доминирование мужа. В целом ориентации на эгалитаризацию супружеских и родительских ролей косвенно отражают потребность молодежи, прежде всего девушек, в рационализации рисков семейной жизни, повышении договороспособности и удовлетворенности партнеров, балансе семьи и работы, возможности самореализации мужчин и женщин как в публичной, так и в частной сфере [Ефанова, Пискалова-Паркер, 2020; Клецина, Векилова, 2020; Чернова, Шпаковская, 2020].

Откладывание молодыми людьми вступления в брак и деторождения на возрастной интервал 25—29 лет рассматривается как тактика управления рисками в потенциальной семейной жизни и признак прагматического жизненного проектирования. Данный период считают оптимальным для рождения детей у мужчин (68 % респондентов) и у женщин (54 %). Хотя есть расхождения в установках на брак: 66 % опрошенных думают, что мужчинам лучше жениться в 25—29 лет, 49 % — что девушкам лучше выходить замуж в 21—24 года (хотя 43 % всех респондентов «за» вариант «25—29 лет»). Очевидно, бытует мнение, что мужчины либо позже «созревают» для семейной жизни, либо делается ставка на их профессиональное и финансовое становление, накопление капиталов для создания и обеспечения семьи [Архангельский, Васильева, Васильева, 2021; Ростовская, Кучмаева, Золотарева, 2023]. В этом усматриваются индикаторы скорее традиционных взглядов. Девушки могут вступить в брак пораньше, еще в процессе или сразу после обучения в вузе, «тестировать» роль жены. Однако более ответственная и емкая роль матери, конкурирующая с потребностями женщин в профессиональной самореализации, мобильности, разнообразном досуге, требует более длительной моральной и финансовой подготовки.

Большинство (54 %) опрошенных хотели бы двоих детей, 21 % — одного ребенка, 14 % — троих и более, что соответствует общему тренду¹ [Вяльшина, Ножкина, Шалаева, 2025; Романович, 2023]. Хотя официальная статистика отражает динамику роста желаемого и идеального числа детей, формирование более привлекательного образа многодетности в молодежной среде², ВЦИОМ фиксирует объективные барьеры при переходе от «социального ориентирования» к «практическим намерениям»³: ключевыми являются финансовая неуверенность и нерешенность жилищного вопроса⁴, вторичными — самореализация и страхи, связанные с реализацией супружества и родительства.

¹ Сколько детей нужно для счастья? // ВЦИОМ. 2025. 30 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/skolko-detei-nuzhno-dlja-schastja> (дата обращения: 02.12.2025).

² Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. 2025. 12 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka> (дата обращения: 02.12.2025).

³ Репродуктивные планы россиян: два пишем, три в уме // ВЦИОМ. 2025. 25 февраля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/reproduktivnye-plany-rossijan-dva-pisem-tri-v-ume> (дата обращения: 03.12.2025).

⁴ Квартирный ответ на демографический вопрос // ВЦИОМ. 2025. 12 августа URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros> (дата обращения: 03.12.2025).

Нижегородские студенты назвали множество факторов, способствующих рождению детей: финансовая устойчивость (95 %); наличие отдельного жилья (91 %); возможность организовать присмотр за детьми (82 %); наличие знаний о родах, уходе и воспитании (81 %); единство взглядов на распределение обязанностей по уходу за ребенком с супругом(ой)/ партнером(шей) (77 %); согласование репродуктивных и жизненных планов (72 %). При этом значимая государственная материальная поддержка (46 %) и согласование деторождения с профессиональными траекториями (43 %) отступают на второй план.

В отношении большинства параметров наблюдается статистическая взаимосвязь ответов с полом респондентов. Для девушек важнее, чем для юношей, наличие собственного жилья ($\chi^2 = 34,3$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), финансовая уверенность ($\chi^2 = 26,5$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), внутренняя готовность к рождению детей ($\chi^2 = 23,6$, $df = 4$, $p \leq 0,001^{***}$), материальная поддержка государства ($\chi^2 = 19,4$, $df = 4$, $p = 0,001^{***}$), чтобы ребенок вписывался в их долгосрочные жизненные планы ($\chi^2 = 15,6$, $df = 4$, $p = 0,004^{**}$), возможности и помощь в организации присмотра за ребенком ($\chi^2 = 14,0$, $df = 4$, $p = 0,007^{**}$). Вероятно, причины коренятся в их более глубоком понимании ответственности родительства. Как правило, после рождения ребёнка именно женщина перестраивает свою повседневность на (не)определённый период, осуществляя фактический уход за ним, внося больший вклад в его воспитание. Также выявлено, что для респондентов, причисляющих себя к малообеспеченным, финансовые возможности ($\chi^2 = 79,6$, $df = 12$, $p \leq 0,001^{***}$) и наличие жилья ($\chi^2 = 63$, $df = 12$, $p \leq 0,001^{***}$) приобретают существенно большее значение, чем для высокодоходных групп.

Обращает на себя внимание невысокая — на фоне остальных условий — значимость государственной материальной поддержки: в самооценках студентов она стоит не в первых рядах. Это согласуется с оценкой влияния материнского капитала (действует с 2007 г.) на рождаемость как ограниченного [Biryukova, Sinyavskaya, 2021]. Приоритет отдается внутренним, психологическим и семейным мотивам рождения детей, а также развитию инфраструктуры присмотра за ними; прослеживается запрос на самостоятельное материальное обеспечение родительства.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что брачно-репродуктивные установки нижегородских студентов носят гибридный характер: откладывание вступления в брак и родительства, потребность в «тестовом» брачном режиме (сожительство), ориентация на одного-двух детей при развернутой структуре условий для их рождения и развития, запрос на эгалитаризацию супружеских и родительских ролей, принятие диверсифицированных сценариев семейной жизни, толерантность к их альтернативным формам, соответствующие маркерам второго демографического перехода, сочетаются с традиционными элементами, в частности, приверженностью (особенно девушек) официальному оформлению отношений, воспроизводством гендерной асимметрии в некоторых видах домашнего труда, желательностью детей. Вариативность установок дифференцирована по социально-демографическим группам: девушки больше ориентированы на современную модель семьи, юридическую и имущественную защищенность брака, юноши чаще

сохраняют патриархальные паттерны; верующие чаще тяготеют к традиционным «регламентам» семейной жизни (обязательность брака, венчания, полного родительского ядра); идентифицирующие себя как «богатые» чаще придают значение одобрению родителей и окружения при создании семьи, «малообеспеченные» особую важность придают материальным условиям для рождения детей. При этом государственная материальная поддержка воспринимается всеми группами как вторичный фактор, по сравнению с уверенностью в своих силах и развитием инфраструктуры заботы о детях.

Современные формы брачно-семейного поведения отчасти выступают механизмами рационализации семейных стратегий молодежи: сожительство рассматривается как профилактика рисков официального брака, развод — как способ устранения стрессоров и исправления ошибок брачного выбора, контрацепция — как ответственный подход к репродуктивному здоровью и планированию детей, малодетность — как возможность снизить родительскую нагрузку и обеспечить более успешный трансфер капиталов, эгалитаризм — как механизм распределения нагрузки и установления баланса между публичной и семейной вовлеченностью.

Интерпретация результатов требует учета ограничения выборки студентами нижегородских вузов, которое не позволяет экстраполировать выводы на всю российскую молодежь, даже студенческую, без дополнительных сравнительных, межрегиональных исследований. Можно предположить, что зафиксированные позиции подвижны и связаны как с возрастными особенностями респондентов и этапом их жизненного цикла (получение образования, отсутствие партнера, выход на рынок труда), так и реальными ценностными сдвигами, социально-экономической и социально-политической турбулентностью, размытостью одобряемого государством образа семьи или его несоответствием действительности, недостаточностью стимулирующих мер. Однако второе ограничение исследования — кросс-секционный дизайн опроса — не дает возможности отделить возрастной эффект от когортного, поэтому данная гипотеза требует дополнительной эмпирической проверки в рамках прежде всего повторного и лонгитудного исследования.

Список литературы (References)

1. Антонов А. И., Карпова В. М., Ляликов С. В., Новоселова Е. Н., Синельников А. Б. Ценности семейно-детного образа жизни (СеДОЖ-2019): Аналитический отчет по результатам межрегионального социолого-демографического исследования / под ред. А. И. Антонова. М.: МАКС Пресс, 2020.
Antonov A. I., Karpova V. M., Lyalikov S. V., Novoselova E. N., Sinelnikov A. B. (2020) The Values of a Family and Child Lifestyle (FacI-2019): An Analytical Report on the Results of an Interregional Sociological and Demographic Study. Moscow: MAKS Press Publ. (In Russ.)
2. Артамонова А. В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 110—134. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5847>.

- Artamonova A. V. (2018) Changes in Family Formation Trajectories among Russians and Factors for such Changes. *Sociological Journal*. Vol. 24. No. 2. P. 110—134. <https://doi.org/10.19181/socjour.2018.24.2.5847>. (In Russ.)
3. Архангельский В. Н., Васильева Е. Н., Васильева А. Е. Репродуктивные намерения современной российской молодежи и оценка возможностей их реализации // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 3. С. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>.
Archangelsky V. N., Vasilieva E. N., Vasilieva A. E. (2021) Reproductive Intentions of Modern Russian Youth and Assessment of the Possibilities of Their Realization. *Logos et Praxis*. Vol. 20. No. 3. P. 93—111. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2021.3.10>. (In Russ.)
  4. Багирова А. П. Престижность родительства и представления о нем в оценках уральского студенчества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. № 1. С. 20—29. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-20-29>.
Bagirova A. P. (2022) The prestige of parenthood and ideas about it in the assessments of the Ural students. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Socioeconomic Sciences*. Vol. 15. No. 1. P. 20—29. <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2022-1-20-29>. (In Russ.)
  5. Безрукова О. Н., Самойлова В. А. «Папы по любви» и «папы поневоле», или почему российские отцы не идут в отпуск по уходу за ребенком? // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 90—101.
Bezrukova O. N., Samoylova V. A. (2019) 'Eager Dads' and 'Dads against Their Will', or Why Russian Dads are Reluctant to Go on Parental Leave. *Sociological Studies*. No. 7. P. 90—101. (In Russ.)
  6. Бессчетнова О. В. Семейные ценности и репродуктивные установки современной студенческой молодежи: рожать нельзя откладывать // Вопросы управления. 2025. Т. 19. № 2. С. 17—31.
Besschetnova O. V. (2025) Family Values and Modern Students Reproductive Attitudes: Giving Birth Cannot Be Postponed. *The Management Issues Journal*. No. 19(2). P. 17—31. (In Russ.)
  7. Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида homo sapiens // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1. № 1. С. 6—33.
Vishnevskiy A. G. (2014) The Demographic Revolution is Changing the Reproductive Strategy of Homo Sapiens. *Demographic Review*. Vol. 1. No. 1. P. 6—33. (In Russ.)
  8. Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40—55. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3>.
Vishnevsky Y. R., Didkovskaya Y. V., Zyryanova O. B. (2024) Matrimonial and Reproductive Attitudes of Youth in the Context of Young Family Safety. *Woman in Russian Society*. No. 1. P. 40—55. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.1.3>. (In Russ.)

9. Вьяльшина А. А., Ножкина И. А., Шалаева С. С. Студенческая молодежь с разными репродуктивными планами: ценности, установки и отношение к мерам поддержки // Социальное пространство. 2025. Т. 11. № 1. <https://doi.org/10.15838/sa.2025.1.45.2>.
Vyal'shina A. A., Nozhkina I. A., Shalaeva S. S. (2025) Student Youth with Different Reproductive Plans: Values, Intentions and Attitudes Toward Support Measures. *Social Area*. Vol. 11. No. 1. <https://doi.org/10.15838/sa.2025.1.45.2>. (In Russ.)
10. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
Giddens A. (2004) *Runaway World. How Globalisation is Reshaping Our Lives*. Moscow: Ves' Mir. (In Russ.)
11. Голод С. И. Перспективы моногамной семьи: сравнительный межкультурный анализ // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. № 2. С. 106—119.
Golod S. I. (2003) Perspectives of a Monogamous Family: Comparative Cross-Cultural Analysis. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. Vol. 6. No. 2. P. 106—119. (In Russ.)
12. Голод С. И. Прокреация, плюральность эротического ландшафта: история и современное состояние // Социологические исследования. 2008. № 12. С. 82—90.
Golod S. I. (2008) Procreation, Plural Erotic Landscape: History and Modern State. *Sociological Studies*. No. 12. P. 82—90. (In Russ.)
13. Гурко Т. А. Брак и родительство в России. М.: ИС РАН, 2008.
Gurko T. A. (2008) *Marriage and Parenthood in Russia*. Moscow: Institute of Sociology, RAS. (In Russ.)
14. Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // Социологическая наука и социальная практика. 2019. Т. 7. № 2. С. 65—80. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6410>.
Gurko T. A. (2019) Students' ideas about parenthood and social roles of men and women. *Sociological Science and Social Practice*. No. 2. P. 65—80. <https://doi.org/10.19181/snsp.2019.7.2.6410>. (In Russ.)
15. Гурко Т. А., Тарченко В. С. Динамика брачных установок и планов студентов // Социологические исследования. 2019. № 7. С. 102—113. <https://doi.org/10.31857/S013216250005797-9>.
Gurko T. A., Tarchenko V. S. (2019) Dynamics of Marital Attitudes and Plans of Students. *Sociological Studies*. No. 7. P. 102—113. <https://doi.org/10.31857/S013216250005797-9>. (In Russ.)
16. Егорова Н. Ю. Сожительство в брачных стратегиях молодых: восприятие и практики // Женщина в российском обществе. 2016. № 2. С. 12—21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.2.2>.
Egorova N. Y. (2016) Cohabitation in the Marital Strategies of the Young: Perception and Practices. *Women in Russian Society*. No. 2. P. 12—21. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2016.2.2>. (In Russ.)

17. Егорова Н. Ю., Янак А. Л., Рябинская Е. С. Родительские роли в современной российской семье: границы «мужского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2. С. 233—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782>.
Egorova N. Y., Yanak A. L., Ryabinskaya E. S. (2020) Parental Roles in the Modern Russian Family: The Male Boundaries. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 233—251. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.782>. (In Russ.)
18. Елисеева И. И. Основная семья: предыстория и перспективы // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 4. С. 6—35. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12042>.
Eliseeva I. I. (2020) The Main Family: Background and Prospects. *Demographic Review*. Vol. 7. No. 4. P. 6—35. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12042>. (In Russ.)
19. Ефанова О. А., Пискалова-Паркер М. П. Современная российская семья в условиях изменения гендерных отношений // Народонаселение. 2020. Т. 23. № 2. С. 26—36. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.3>.
Efanova O. A., Pisklakova-Parker M. P. (2020) Modern Russian Family in the Context of Changing Gender Relations. *Population*. Vol. 23. No. 2. P. 26—36. <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.3>. (In Russ.)
20. Зверева Н. В. Демографический переход: спор о теориях разного уровня // Демографическое обозрение. 2015. Т. 2. № 1. С. 6—23. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1787>.
Zvereva N. V. (2015) Demographic Transition: A Dispute about Theories of Different Levels. *Demographic Review*. No. 1. P. 6—23. <https://doi.org/10.17323/demreview.v2i1.1787>. (In Russ.)
21. Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3—4. С. 299—321.
Zdravomyslova E., Temkina A. (2003) The Public Construction of Gender in Soviet Society. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 1. No. 3—4. P. 299—321 (In Russ.)
22. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 215—231. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13>.
Zubok, Y. A., Chuprov V. I. (2020) Youth's activity in changing reality: self-regulation contradictions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 13. No. 6. P. 215—231. <https://doi.org/10.15838/esc.2020.6.72.13>. (In Russ.)
23. Иванов С. Ф. Детерминанты демографического перехода на глобальном Юге // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4. № 2. С. 6—52.
Ivanov S. F. (2017) Determinants of the demographic transition in the global South. *Demographic Review*. Vol. 4. No. 2. P. 6—52. (In Russ.)

24. Исупова О. Г. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по данным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. № 2. С. 153—164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.10>.
Isupova O. G. (2015) Russian Consensual Unions in the Early XXI Century (Based on the International Comparative Study Data). *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 153—164. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2015.2.10>. (In Russ.)
25. Карлсон А. Общество — семья — личность: социальный кризис Америки: Американская школа альтернативной социологии / пер. с англ., под ред. А. И. Антонова. М.: Грааль, 2003.
Carlson A. Society — Family — Person: America's Social Crisis: The American School of Alternative Sociology. Transl. from English, ed. by A. I. Antonov. Moscow: Graal, 2003. (In Russ.)
26. Клецин А. А. Внебрачные и альтернативные (немодальные): формы и содержание // Рубеж. 1994. № 5. С. 166—179.
Kletsin A. A. (1994) Non-Marital and Alternative (Non-Modal) Families: Forms and Content. *Frontier*. No. 5. P. 166—179 (In Russ.)
27. Клецина И. С., Векилова С. А. Гендерные отношения в российской семье: тенденции трансформаций // Женщина в российском обществе. 2020. № 3. С. 78—91. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.7>.
Kletsina I. S., Vekilova S. A. (2020) Relations in the Russian Family: Transformation Trends. *Woman in Russian Society*. No. 3. P. 78—91. <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.3.7>. (In Russ.)
28. Кучмаева О. В. Идеальная модель семьи в глазах россиян и стратегия по повышению ценности семейного образа жизни // Экономика. Налоги. Право. 2019. Т. 12. № 2. С. 70—82. <https://doi.org/10.31483/r-153188>.
Kuchmaeva O. V. (2019) The Ideal Family Model in the Eyes of Russians and a Strategy of Enhancing the Value of a Family Lifestyle. *Economics, Taxes & Law*. Vol. 12. No. 2. P. 70—82. <https://doi.org/10.31483/r-153188>. (In Russ.)
29. Наберушкина Э., Бессчетнова О., Судоргин О. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22. № 4. С. 697—714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-4-697-714>.
Naberushkina E., Besschetnova O., Sudorgin O. (2024) Family and Family Values in the Perceptions of the Young Generation. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 22. No. 4. P. 697—714. <https://doi.org/10.17323/727-0634-2024-22-3-697-714>. (In Russ.)
30. Новоселова Е. Н. Традиционная семья в большом городе: социальный атавизм и необходимая ценность // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 166—188.

Novoselova E. N. (2014) The Traditional Family in the Big City: Social Atavism and Essential Value. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*. No. 4. P. 166—188. (In Russ.)

31. Поленова М. Е., Лазуренко Н. В., Подпоринова Н. Н., Королева К. Ю. Матримониальное поведение студенческой молодежи в контексте изучения социального здоровья (гендерный аспект) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31. № S1. С. 765—773. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773>.
Polenova M. E., Lazurenko N. V., Podporinova N. N., Koroleva K. Yu. (2023) Matrimonial Behavior of Student Youth in the Context of Social Health Studying (Gender Aspect). *Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. Vol. 31(SI). P. 765—773. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-s1-765-773>. (In Russ.)
32. Романович Н. А. Представления молодежи о браке и семье // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 135—140. <https://doi.org/10.31857/S013216250021750-8>.
Romanovich N. A. (2023) Youth and Marriage: A Transformation of Values. *Sociological Studies*. No. 3. P. 135—140. <https://doi.org/10.31857/S013216250021750-8>. (In Russ.)
33. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник Российского университета дружбы народов. Социология. 2023. Т. 23. № 1. С. 40—60. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>.
Rostovskaja, T. K., Kuchmaeva, O. V., Zolotareva, O. A. (2023). Student Family in Russia: Determinants of Marriage. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Sociology*. Vol. 23. No. 1. P. 40—60. <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60>. (In Russ.)
34. Самыгин С. И., Верещагина А. В., Загирова Э. М. Традиционная семья: специфика социологического дискурса и методологические приоритеты // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 12. С. 81—85.
Samygin S. I., Vereshchagina A. V., Zagirova E. M. (2016) Traditional Family: Specifics of Sociological Discourse and Methodological Priorities. *Humanities, socio-economic and social sciences*. No. 12. P. 81—85. (In Russ.)
35. Синельников А. Б. Демографическая саморегуляция в условиях роста и убыли населения // Социологический журнал. 2019. Т. 25. № 4. С. 84—92. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6819>.
Sinelnikov A. B. (2019) Demographic Self-Regulation in Conditions of Population Growth and Decline. *The Sociological Journal*. Vol. 25. No. 4. P. 84—92. <https://doi.org/10.19181/socjour.2019.25.4.6819>. (In Russ.)
36. Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2010. № 3. С. 19—43.

- Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2010) Young Adults: Marriage, Partnership, and Parenthood. Discursive Prescriptions and Practices in Contemporary Russia. *Lab-oratorium*. No. 3. P. 19—43. (In Russ.)
37. Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. «На других надейся, а сама не плошай». Прагматический индивидуализм как дискурсивная стратегия нормализации биографий молодых представительниц среднего класса // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 173—194. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>.
Chernova Z. V., Shpakovskaya L. L. (2020) “God Help Those Who Help Themselves”. Pragmatic Individualism as a Discursive Strategy for Normalizing the Biographies of Young Middle-Class Women. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 6. P. 173—194. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.6.1691>. (In Russ.)
38. Янак А. Л. Концептуализация немодального родительства // Социологические исследования. 2022а. № 4. С. 56—67.
Yanak A. L. (2022a) Conceptualizing Non-Modal Parenting. *Sociological Studies*. No. 4. P. 56—67. (In Russ.)
39. Янак А. Л. Немодальный брак и немодальное родительство в контексте семейного потенциала молодежи // Семья и преемственность поколений: Материалы Международного симпозиума, Иваново — Плес, 30 сентября — 01 октября 2022 г. Иваново: ИвГУ, 2022б. С. 220—225.
Yanak A. L. (2022b) Unconventional Marriage and Unconventional Parenting Styles in the Context of Family Capacity-Building Among Youth. In *Family and Continuity of Generations*. Ivanovo State University. P. 220—225. (In Russ.)
40. Biryukova S. S., Sinyavskaya O. V. (2021) More Money — More Births? Estimating Effects of 2007 Family Policy Changes on Probability of Second and Subsequent Births in Russia. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 2. P. 48—72. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.2.1830>.
41. Cherlin A. (2004) The Deinstitutionalization of American Marriage. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 66. No. 4. P. 848—861. <https://doi.org/10.1111/j.0022-2445.2004.00058.x>.
42. Easterlin R., Crimmins E. (1991) Private Materialism, Personal Self-Fulfillment, Family Life and Public Interest: The Nature, Effects, and Causes of Recent Changes in the Values of American Youth. *Public Opinion Quarterly*. No. 55. P. 499—533. <https://doi.org/10.1086/269280>.
43. Furstenberg F., Harris L., Pesando L., Reed N. (2020) Kinship Practices Among Alternative Family Forms in Western Industrialized Societies. *Journal of Marriage and Family*. Vol. 82. No. 5. <https://doi.org/10.1111/jomf.12712>.
44. Kavanagh M. (2004) Rewriting the Legal Family: Beyond Exclusivity to a Care-Based Standard. *Yale Journal of Law and Feminism*. No. 16. P. 83—131.

45. Lesthaeghe R. (1991) The Second Demographic Transition in Western Countries: An Interpretation. IPD-Working Paper 1991—1992, Vrije Universiteit, Brussels.
46. Lesthaeghe R. (2010). The Unfolding Story of the Second Demographic Transition. *Population and Development Review, The Population Council*. Vol. 36. No. 2. P. 211—251. <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00328.x>.
47. Levin I. (2004) Living Apart Together: A New Family Form. *Current Sociology*. Vol. 52. No. 2. P. 223—240. <https://doi.org/10.1177/0011392104041809>.
48. McDonald P., Mills M., Rindfuss R., Velde E. (2011) Why Do People Postpone Parenthood? Reasons and Social Policy Incentives. *Human Reproduction Update*. Vol. 17. No. 6. P. 848—860. <https://doi.org/10.1093/humupd/dmr026>.
49. Roussel L. (1989) La famille incertaine. Paris: Editions Odile Jacob.
50. van de Kaa D.J. (2001) Postmodern Fertility Preferences: From Changing Value Orientation to New Behavior. *Population and Development Review*. Vol. 23. P. 290—331.